

календарной частотностью, но и какими-то местными традициями, которые нам сейчас уже не ясны.

Т.Н.Дмитриева

Медведь в лексике и топонимии казымских хантов

Медведь занимает особое место в мифологических представлениях, верованиях, обрядах, изобразительном искусстве хантов и манси. Культ медведя – одна из характерных черт мировоззрения северных обских угров. Этот яркий феномен обско-угорской культуры, привлекавший внимание многих исследователей, продолжает быть предметом изучения и в наши дни: А.Каннисто, Н.Л. Гондатти, К.Д. Носилов, В.Н. Чернецов, Н.В. Лукина, В.М. Кулемзин, Е. Шмидт, Т.А. Молданов и другие авторы внесли свой вклад в разработку этой темы.

Одним из регионов, где культ медведя сохраняется до сих пор, является Казым. По рассказам современных казымских хантов, медведь – сын небесного бога Торума, представитель трех миров: небесного, земного и подземного. Медведя почитают как предка и покровителя фратрии Пор. О его чудесном происхождении и появлении на земле говорят, что он спустился когда-то с неба, явился людям. На Казыме можно услышать, что медведь – это *jet wəš' ŷki* 'старик священного города', *большой вежакорский бог, батюшко дорогой*, – как известно, в называемой «священным городом» нижеобской деревне Вежакоры находится один из культовых центров северных обских угров, где устраивались периодические медвежьи игрища («медвежьи пляски»). Кроме периодических, проводились и спорадические «медвежьи пляски» – в честь добытого медведя-зверя и сына Торума. Традиции их проведения хорошо сохранились у казымских хантов⁴².

Во время охоты на медведя, на медвежьи игрищах и в других ситуациях, связанных с медведем, даже при его упоминании ханты используют особый «медвежий язык», называя самого медведя и всё, что

⁴² О содержании современных медвежьи игрищ см.: *Молданов Тимофей*. Современные медвежьи игрища северных ханты // *Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars.6: Ethnologia et Folkloristica. Jyväskylä, 1996. P.266–269*; о «старике священного города» и других концептах образа медведя у северных обских угров см.: *Schmidt Eva*. Bear cult and mythology of the northern ob-ugrian // *Uralic Mythology and Folklore. Budapest, Helsinki, 1989. P. 187–232* (далее – *Schmidt*).

имест к нему отношение, иносказательно, подставными словами. Изучению «медвежьего языка» обских угров посвящены специальные исследования⁴³, этимологии слов этой специфической лексики приводятся В.Штейнцем⁴⁴. Сведения о «медвежьем языке» казымских хантов, собранные нами во время экспедиций 1987–1995 гг., могут быть подтверждением уже известных фактов и добавить некоторые новые штрихи к «портрету» медведя в представлениях хантов о нем.

Приведем ряд наименований медведя:

– *məjɾar*. Слово, по происхождению являющееся заимствованием из языка коми (коми *maibjɾ* ‘счастливый, благополучный’ – DEWOS, 896), вошло в современные словари хантыйского языка как нейтральное для обозначения соответствующего животного (*мойпыр* ‘медведь’⁴⁵, *мойпар* ‘медведь’, *мойпар нэ* ‘медведица’⁴⁶). По рассказам хантов, так называют медведя те, «кто не боится», обычно мужчины. Это и реальный «страшный зверь медведь», и дух, сын Торума, которому поклоняются. Но «*məjɾar* редко кто скажет, чаще говорят *pɪri*».

– *pɪri*. Это «ласковое, нежное название», «так зовет, кто боится». Так, или в уменьшительной форме – *pɪrije* – называют медведя женщины. Как и *məjɾar*, слово используется для обозначения медведя-зверя и медведя-духа. Этимологически также возводится к языку коми: ср. коми *buba* ‘пугало’ (DEWOS, 1194–1195), *буба* детск. ‘бука’⁴⁷. Наиболее близким к коми оригиналу является вариант *pɪra* – название бог-охранителя у ванзеватских ханты («*pɪra* – это как медведь»), он же *pɪr-aki* («*aki* – как свекор»).

– *pɪraije*. Ласковая уменьшительная форма от *pɪra*: «*pɪraije* – он сейчас все наши разговоры слышит, он же на воле гуляет. Он тогда не слышит, когда на берлогу ложится».

⁴³ См. напр.: Steinitz W. Jäger-Tabusprache und Argot // Ostjakologischen Arbeiten. Bd. 4: Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie. Berlin, 1980. S. 334–341 (далее – Steinitz); Bakro-Nagy Sz. Mariann. Die Sprache des Barenkultes im Obugrischen. Budapest, 1979 (к сожалению, мы не имели возможности познакомиться с этой работой).

⁴⁴ См.: Steinitz Wolfgang. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache / Bearbeiter: Gert Sauer. Berlin: Akademie-Verlag, 1966–1993. Lfg. 1–15 (далее – DEWOS).

⁴⁵ Русская Ю.Н. Самоучитель хантыйского языка. Л., 1961. С. 228.

⁴⁶ Хантыйско-русский и русско-хантыйский словарь: Пособие для учащихся начальной школы (казымский диалект) / Сост. С.П.Молданова, Е.А.Немысова, В.Н.Ремезанова. 2-е изд. Л., 1988. С. 58, 187 (далее – ХРС).

⁴⁷ Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. С.41.

Другие ласковые названия медведя-духа и его реального воплощения – *sɔrni p̃p̃aije* (при *sɔrni* ‘золотой’), *sɔrnije* ‘золотко’, *toran xɔ* ‘небесный человек’. В ритуальном фольклоре это *ĩlas̃ pelak̃ x̃at̃l̃ pelak̃ semp̃i x̃ɔn wɔrt* ‘половины луны, половины солнца с глазами царь-богатырь’. Ср. у шеркальских хантов *ĩlas̃/x̃at̃l̃ uñə semp̃ə x̃ɔn* ‘солнца (луны) с большими глазами правитель’ – Schmidt, 212).

– *wɔj* ‘зверь’. Этим именем называют медведя охотники.

Наименования медведя связаны и с представлениями о нем как о младшем брате человека («Он тоже как родственник, как брат родной»). «Он нас называет братом, старшим, он маленький»). Ср.: «Медведь именуется младшим братом человека и всех зверей, но младший в мифологической традиции оказывается главным»⁴⁸. Поэтому употребительны такие обращения к медведю, как *p̃ɔx̃* ‘сын, мальчик’, *aj p̃ɔx̃* ‘маленький мальчик’, *p̃ɔxije* – уменьшительная форма от *p̃ɔx̃*, *j̃iw p̃ɔx̃* ‘брат, родной брат’ (дословно ‘сын отца’ – см. DEWOS, 324, 325), «так называют, когда боишься или когда убили медведя», *p̃ipi p̃ɔx̃* ‘медведь мальчик’, *toran p̃ɔx̃* ‘небесный мальчик’, *torañ p̃ɔxije* ‘милый мальчик’, *sɔrni p̃ipi p̃ɔxije* ‘золотой медведь мальчик’.

Речь может идти и о медведице, тогда это *j̃iw ewi* ‘сестра, младшая родная сестра’ (дословно ‘дочь отца’) – «так называют, когда боишься или когда убили медведицу», *p̃ipi ewi* ‘медведь девочка’, *toran ewi* ‘небесная девочка’, *sɔrni p̃ipi ewije* ‘золотой медведь девочка’.

Как «девочку», так и «мальчика» ласково называют *sɔrni p̃ɔxije* ‘золотая деточка’ (*p̃ɔxije* – уменьшительная форма от *p̃ɔx̃* ‘детеныш, ребенок’), ср. *moj̃nar̃ nušax̃* ‘медвежонок’ (ХРС, 187).

Нельзя не отметить, что многие из перечисленных выше наименований медведя зафиксированы также в качестве астронимов. Чаще всего выясняется, что речь идет о созвездии Малая Медведица: «Один там только есть, не девочка, может быть, мальчик – мы не знаем который, мы называем *p̃p̃aije*, *p̃ipi ewi*, *p̃ipi p̃ɔx̃*»; «*t̃əj̃p̃ər̃ ñɛ* тоже семь звезд, мы *p̃ipije* зовем, *p̃ipi ewi*»; «*sɔrni p̃ipi ewije* на небе-то вот звезды, и *p̃ipi p̃ɔx̃* – вместе все одно обозначают, это ласково, *sɔrni p̃ipi ewije*, как будто золотом покрытый такой». Иногда ханты говорят о созвездии (*t̃əj̃p̃ər̃*, *p̃ipi*) из пяти звезд: «Медведь – пять звездочек: четыре ноги и

⁴⁸ Головнев А.В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С.266.

голова. Он стоя стоит, ноги-руки подымаѣ» (ср. казымское *p̄rije* 'Медведь, созвездие из 5 звезд' – DEWOS, 242). Некоторые насчитывают у «Маленького медведя» 14 звезд: «*aj p̄ri* – Маленький медведь, 14 звездочек».

Из названий реального медвежонка приведем еще *šišam* или *aj šišam* («если совсем маленький»). По DEWOS, это 'медвежонок на первом году', слово дескриптивного происхождения, этимологически связываемое с глагольной основой – вахо-васюганское *сосам-*, ваховское *ср̄сам-* 'поперхнуться, захлебнуться' (DEWOS, 242).

Наименования частей тела и внутренностей медведя: *wəš* (*p̄ri wəš*) 'голова', букв. 'город, городок' (вероятно, по аналогии: старинное укрепленное поселение, обычно располагавшееся на возвышенности, как и бывшее место такого поселения, считается священным); *xps* 'глаз', букв. 'звезда'; *aŋkal* 'ухо', букв. 'пень', также *tūt lejəm aŋkal* 'горелый (дословно 'съеденный огнем') пень'; *aňsar* 'клык' (возможно, заимствование из мансийского языка: слово в обычном значении 'клык' – DEWOS, 133–134); *p̄it jūx* 'спина, позвоночник', букв. 'жердь для котла' («на которой котел варится»); *χāňšaŋ p̄s* 'зад', букв. 'рукавица с узором' (на ритуальных рукавицах, используемых во время медвежьего праздника, делают специальный священный узор); *māš* 'нога, лапа', букв. 'подпорка' (в обычной речи – например, столб у лабаза, рогулька, колышек с развилкой для приготовления пищи у костра); *χəp* 'живот', букв. 'лодка'; *jeməŋ* 'сердце, печень', букв. 'святое'; *χ̄nt* 'желудок', букв. 'берестяной короб' («Все собирает туда в желудок, в мешок»); *w̄nšəp* – еще одно название желудка медведя, букв. 'берестяной сосуд для сбора ягод, набирушка'; *leštan* 'селезенка' («что-то внутри на кишке»), букв. 'оселок, точильный брусок'; *sewəm* 'желчь' (в других значениях слово не отмечено, его происхождение не установлено – DEWOS, 1389); *t̄ňšaŋ* 'кишки', букв. 'аркан'; *saχ* (*p̄ri saχ*) 'шкура', букв. 'женская шуба из оленьего мха' («Когда разделявают убитого медведя, говорят: твою шубу раздеваем, ты не сердись»); *p̄ri ət* 'мясо (сырое)', букв. 'медведя нечто', в обычной речи 'мясо' – *n̄d̄χi*; *wəšt ət* 'мясо (вареное)', букв. 'нечто, что собирают' – от глагола *w sti* 'собирать ягоды'.

Приведенные примеры, разумеется, лишь отчасти характеризуют «медвежий язык» казымских хантов (по подсчетам специалистов, в этом

«языке» обских угров около 500 слов⁴⁹), но и они дают представление о богатстве этой лексики, о путях и средствах ее создания, о ее живом функционировании в речи.

«Медвежья» тема находит отражение и в хантыйской топонимии Казыма. В составе местных казымских географических названий, имеющих отношение к медведю, также встречаются табуированные лексемы, поэтому такие топонимы нельзя переводить буквально.

На Казыме нет топонимов с компонентом *mǝpǝr* или *pǝri*, но встречается название медведя *wǝj* ‘зверь’, ‘тот, на которого охотятся’. Точно так же – *wǝj* или *kǝrǝŋ wǝj* ‘зверь с ногами’ – именуют и лося, который, как и медведь, относится к наиболее почитаемым животным: «Ему приписывалось небесное происхождение и понимание человеческой речи, в разговорах о нем употреблялись подставные названия»⁵⁰. Однако «лосиные» и «медвежьи» топообъекты различаются местным населением, т. к. содержание топонимов, как правило, специфично.

Если медведь – это *wǝj*, то медвежья берлога на языке охотников – *wǝj χǝt* ‘дом зверя’. В топонимии представлены: *wǝj χǝtǝŋ aj jǝχǝn* ‘Маленькая река с домом зверя’ (правый приток р. Казым), этот же объект – *wǝj χǝtǝŋ wis* ‘Ручей с домом зверя’ – «Медвежья берлога, видимо, была», «Кто-то берлогу находил», «Берлоговая речка», – говорят ханты; *wǝj χǝtǝŋ wǝri* ‘Старица с домом зверя’ (на левом берегу Казыма). И здесь, по словам информанта, «медвежий берлога был». Берлогу называют также *mǝpǝr χǝt*, *pǝri χǝt*, *jǝw pǝχ χǝt*, *jǝw ewi χǝt* и просто *χǝt*. И «если скажешь, что видел *χǝt* в лесу, просто все знают, что это берлога».

О медведе нельзя сказать ‘добывать, убивать’ (*wǝnti*), как о других животных, рыбе, птице, – его ‘пускают’ (‘спускать’ – *wǝχǝntǝti*, также *wǝχǝntǝti* – DEWOS, 1547), ‘низводят’ из леса в селение⁵¹, или же он сам ‘спускается’ к охотникам (‘спускаться’ – *wǝχǝnti*, *wǝχǝnti* – DEWOS, 1547), как когда-то спустился с неба на землю. Не случайно первая ритуальная песня на медвежьем празднике, рассказывающая, как медведь появился на земле, называется *ǝli wǝχǝnti ar* ‘песня спускающегося вниз’, или ‘спуска вниз’. Поэтому топоним *wǝj wǝχǝntǝm sǝjǝn* (левый

⁴⁹ Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост., предисл., примеч. Н.В.Лукиной. М., 1990. С. 23.

⁵⁰ Там же. С. 24.

⁵¹ См.: Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992. С.123.

приток р. Иш-ёхан) непосредственно связан с медведем и обозначает 'Ручей добытого медведя', букв. – 'Ручей спущенного (или 'спустившегося') зверя'.

След медведя называют *xǎnši*, букв. 'узор'. Значит, топоним *xǎnši sǎjət* (правый приток р. Ёингк вой юхан) – не 'Ручей узора', а 'Ручей медвежьего следа'. По предположению информантов, «видимо, там медвежий след кто-то обнаружил».

Еще один любопытный пример: *šak sǎjət*, левый приток р. Помут. Это 'Ручей медвежьей кости', «*šak* – кость медведя», «Медведь и человек – два брата родных, их кости называют *šak*, а у оленя *liw*», – объясняют ханты. Говорят также, что можно сказать *šak* и *šal'ək* («это одно и то же»), что это слово нельзя произносить при женщинах, оно встречается в медвежьих песнях.

В.Штейниц отмечает слово *šak* в «медвежьем языке» казымских хантов в значении 'нежирное мясо медведя' и видит в нем метафору: слово заимствовано из языка коми, где *šak* 'труха, гриб на дереве' (DEWOS, 620–621; ср. Steinitz, 337–338, 339). Что касается варианта *šal'ək* 'кость медведя', то, по мнению Штейница, это деформированное в языке казымских охотников слово, генетически связанное с трюмоганским *kǎlək*, юганским *kǎl'ək* в том же значении (DEWOS, 620–621; ср. Steinitz, 337–338, 339).

По-видимому, современный материал фиксирует перенос семантики слова *šal'ək* (иногда медвежью кость называют на Казыме и *kal'ək*) на близкое по звучанию слово *šak*. Относительно происхождения топонима местные жители предполагают, что в ручей (или где-то возле него?) высыпали кости медведя: по обычаю, все кости съеденного медведя (их, как и кости других животных, нельзя ломать) собирают – для того, чтобы он смог ожить и снова вернуться на небо – и бросают в воду, причем обычно в закрытое место, где вода не выходит; в течение или в рыбное место бросить нельзя. «Когда мясо съедят, кости увозят далеко в лес, в чистое место, где женская нога не ступала, и спускают в воду, в озерко, а шкуру и голову – в святое место». Сохранность костей и черепа гарантировала оживление медведя, а также избавляла охотников от мести ожившего покалеченного зверя⁵².

⁵² См.: Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984. С.82–86.

Современный полевой материал свидетельствует, что на Казыме, наряду с другими чертами традиционной культуры хантов, активно сохраняется культ медведя, в живом употреблении существует «медвежий язык», который прослеживается и в местной топонимии. Учет специфической семантики слов «медвежьего языка» помогает правильно понять содержание хантыйских топонимов.

Характерно, что все немногочисленные топонимы, связанные с медведем (их пока выявлено всего 10), называют объекты в среднем и нижнем течении Казыма – может быть, потому, что верховья Казыма не были исконной хантыйской территорией и принадлежали лесным ненцам, а ханты там не охотились.

О.С.Смирнова

Полеводческий термин *калита* в топонимии Русского Севера

Названия пахотной земли делятся на две группы: в одну группу входят лексемы, обозначающие пахотные угодья (*поляна, дерюга, дерьба*), другую составляют названия отдельных их участков. К числу последних относится *калита*.

Письменные источники, в которых упоминается данный термин, датированы ХУІІ в. (СРЯ ХІ–ХУІІ вв. 7, 37). Согласно этим документальным свидетельствам, в сфере земледелия лексема *калитка* (< *калита*) обозначала небольшой участок пахотной земли, отделяемый особой изгородью или естественной межей.

Омонимичными данному слову образованиями являются рус. *калитка* ‘дверца в изгороди, заборе’ и др.-рус. *калита* в значении ‘кошель, сумка, мешок, карман’, заимствованное из тюркских языков (ср. тат., казах., алт. *kalta* ‘карман, кожаный мешок, кошелек’ – Фасмер 2, 168). В ярославских говорах эта лексема по-прежнему хранит в себе первоначальный древнерусский смысл, ср. *калита* ‘род кошелька’ (ЯОС 5, 15).

На семантическом уровне связь между тюркской по происхождению лексемой и рассматриваемой диалектной *калита* (*калитка*) ощущается достаточно отчетливо. Происходит это за счет общей для них семы ‘ограниченное пространство’. Возможно, что данная полеводческая реалия получила наименование *калита* по сходству своих очертан-